

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЬНОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЧАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В ЭСТОНСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ 1920–1930-х гг.)¹

ТИМУР ГУЗАИРОВ

Великая Северная война является важным событием и в русской, и в эстонской истории: для одной стороны она входит в национальный пантеон славы и символизирует рождение Российской империи; для другой это было временем тяжелейших народных испытаний и страданий (чума, голод, разрушения, принесенные войной).

Начало войны, как известно, было неудачным, и, тем не менее, поражение под Нарвой неизменно трактовалось в русской историографии как великий урок, благодаря которому, используя слова С. М. Соловьева о первом поражении Петра под Азовом, и «произошло явление великого человека». В этом же ключе события под Нарвой освещались и в российских дореволюционных школьных учебниках. Как же трактовалось это событие в учебниках молодой Эстонской Республики, столь недавно получившей возможность формировать свой исторический канон, независимый от имперского?²

¹ Статья написана в рамках проекта IUT34-30 Tõlkeideoloogia ja ideoloogia tõlkimine: kultuuri-dünaamika mehhanismid Eestis vene ja nõukogude võimu tingimustes 19.–20. sajandil / Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries.

² Мы разделяем представления о том, что школьный учебник по истории формирует «воображаемое сообщество», исторически обосновывает его национальную, социальную и политическую идентичность, стремится к идеологическому управлению его «коммуникативной памятью». Как средство трансляции государственной политики в сфере исторического знания школьное пособие может стать инструментом ведения «исторических войн» и быть ориентированным на аргументацию и репрезентацию приоритета ценностей, целей, интересов, идей «своего» коллектива перед «другим(и)». При написании статьи мы ориентировались

До революции (т. е. в период русификации, когда школа была переведена на русский язык преподавания) эстонские школьники изучали историю на русском языке по программам и учебникам, принятым в школах Российской империи. В начале XX в. самыми популярными, рекомендуемыми и переиздававшимися большими тиражами учебниками оставались книги С. Е. Рождественского и Д. И. Иловайского. В «Краткой отечественной истории в рассказах для народных и вообще начальных училищ, с портретами замечательных лиц» Рождественский, говоря о поражении под Нарвой, не называет ни одной причины поражения русской армии и описывает его как результат случайности: Карл XII неожиданно «обратился против русских, которые осаждали в это время город Нарву, и тоже разбил их» [Рождественский 1874: 125]. В книге для народа автор конструирует героический образ Петра и стремится опустить, завуалировать, смягчить «неславные» исторические факты. В гимназическом учебнике «Отечественная история в связи с всеобщей (средней и новой)»³ Рождественский, однако, упомянул о численном превосходстве русской армии и о том, что она сражалась «под предводительством иноземного полководца, герцога Кроа» [Рождественский 1876: 269] — здесь важно подчеркнуть нейтральный характер изложения, отсутствие оценки действий иностранных офицеров в целом.

Для Иловайского характерен более строгий, ясный и критичный стиль изложения. В «Русской истории. Книге для всех» он уточняет количество русских войск («от 35 до 40 000 человек, большую часть новобранцев»), подчеркивает, что основной причиной поражения являлось отсутствие военного опыта: «Быстрым, неожиданным нападением шведы разбили русских под Нарвой и захватили артиллерию» [Иловайский 1998: 172]. В пособии «Руководство к русской истории. Средний курс» Иловайский указывает еще на одну причину поражения при Нарве — это отсутствие общего, национального чувства и взаимонепонимание между русскими солдатами и иностранными офицерами, «которых Русские не любили и плохо понимали. Главкомандующим назначен также иностранец, граф

на следующие работы: [Ассман; Андерсон; Гудков; Историки; Историческая политика; Ферро; Neumann]. В статье эстонские учебники 1920–1930-х гг. рассматриваются в контексте пособий, изданных в период Российской империи и в первые годы после окончания Второй мировой войны, когда в Эстонии утвердилась советская власть. Избранный подход позволяет, по нашему мнению, отчетливее описать концепцию школьных учебников по истории первой Эстонской Республики.

³ Первое издание этого учебника Рождественского вышло в 1872 г., двумя годами ранее «Краткой отечественной истории...».

де-Кроа, только что прибывший в Россию и совсем незнакомый с русскими солдатами» [Иловайский 1916: 112].

Важно отметить, что при описании войны Рождественский и Иловайский намекают и на бедственное положение коренных жителей Эстляндии и Лифляндии. В параграфе «Завоевания в Прибалтийском крае» Рождественский сообщает: «За основанием Петербурга последовали завоевания в Прибалтийском крае под предводительством Шереметева, сопровождавшиеся страшным опустошением страны» [Рождественский 1876: 270]. В своем учебнике Иловайский отмечает, что в рассматриваемую эпоху разорение завоеванной территории являлось традиционной тактикой русской армии: «...русские, по старому обычаю, сильно опустошили неприятельские земли» [Иловайский 1998: 174]. Хотя благонамеренные авторы учебников развивают идеи патернализма и консолидации нации вокруг монарха, пишут историю *государства*, а в конкретном случае повествуют о становлении Российской империи, но все же они пытаются кратко и как бы мимоходом сообщить отдельные «негероические» факты и создать более объективную историческую картину. Однако приводимые в тексте «неславные» эпизоды всегда уравниваются и не противоречат общему про-имперскому изложению⁴.

С обретением государственной независимости в Эстонии изменилось отношение к историческому прошлому и, в частности, трактовка петровского сюжета. В Таллине Петровская площадь была переименована в площадь Свободы, 1 мая 1922 г. был демонтирован памятник Петру I. Отпиленный от памятника бюст царя был установлен перед Домиком Петра⁵ в Кадриорге. Оставшаяся бронза была использована для выплавки медалей школьникам, которые участвовали в Освободительной войне.

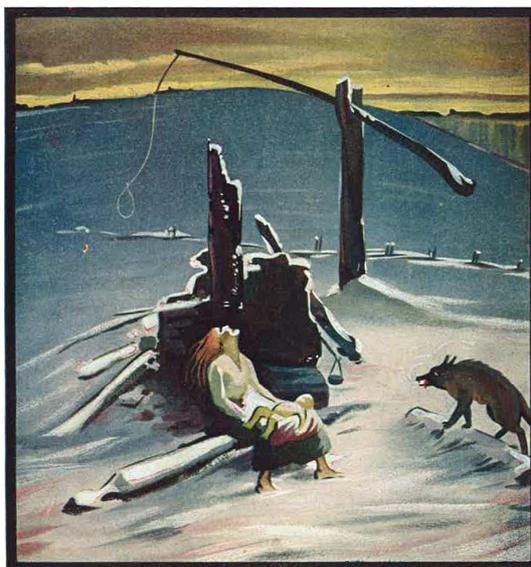
Началась и ревизия исторического канона, но она касалась, в основном, роли исторических событий в судьбе эстонского народа, чему имперский канон внимания, как правило, не уделял. В 1920–1939 гг. в Эстонии в пособиях по истории интерпретация Северной войны строилась на перекрестке двух противоположных точек зрения. С одной стороны, авторы подчер-

⁴ Так, Иловайский уделяет особое внимание описанию последующего взятия Нарвы Петром I и представляет царя как защитника местного коренного населения: «В следующем 1704 году русские взяли приступом и Нарву, под которой потерпели поражение. Разгоряченные храбрым сопротивлением, солдаты предались грабежу и убийствам в завоеванном городе. Царь и его генералы с трудом остановили их. Вошед после того в дом бургомистра, Петр бросил на стол свою окровавленную шпагу и сказал: “Не бойтесь, это не шведская, а русская кровь, пролитая для вашей защиты”» [Иловайский 1998: 173–174].

⁵ Этот бюст был утрачен во время Второй мировой войны.

кивали общепризнанный в историографии факт, что для России военная победа и выход к Балтийскому морю были важным геополитическим и историко-культурным прорывом. С другой стороны, русско-шведская война изображалась как национальная катастрофа для эстонского народа (см.: [Kampmann: 134–136; Kruus: 7–10; Макаровский: 213–217; Adamson 1936: 3–5; Asson: 185–189; Adamson 1938: 87; Adamson 1939b: 3–8; Konks: 135–136]).

В гимназическом учебнике Й. Адамсона 1936 г. “Eesti ajalugu III. Gümnaasiumi IV klassi kursus (10. õppeaasta)” рассказ о Северной войне сопровождался рисунками. Одна из иллюстраций называлась “Orjaks Venesse. Vene rüüstesalgad viivad inimesi kaasa Põhjasõja ajal” («Рабом в Россию. Отряды русских грабителей увозят с собой людей во время Северной войны») [Adamson 1936: 4]. В 1939 г. вышло новое издание учебника Адамсона для шестых классов начальной школы “Eesti ajalugu ühenduses üldajalooga. Kodanikuõpetus”. На титульном листе была напечатана репродукция картины эстонского художника А. Каримо «Северная война» (см. иллюстрацию), которая изображает трагические последствия войны для эстонского народа; именно этой темой открывается учебник (см.: [Adamson 1939b: 1–8]). При изображении Северной войны акцент делается на страданиях эстонцев и на их неприязни к врагам⁶.

⁶ Заметим, что образ эстонцев как жертвы был вообще основным при рассказе об эстонско-русских взаимоотношениях в школьных учебниках.

Рассмотрим один из эпизодов Северной войны, который может в зависимости от идеологической позиции расцениваться по-разному. В российской историографии битва при Эраствере (Эрестфере) трактовалась как русская победа. Основатель эстонской профессиональной исторической науки профессор Арно Рафаэль Седерберг, который в 1920-е гг. был главным публикатором архивных материалов, освещавших военную и политическую истории балтийских губерний Российской империи в «Историческом журнале»/«Ajalooline Ajakiri», трактовал этот эпизод иначе⁷. По мнению Седерберга (шведа по происхождению), несмотря на то, что шведские войска впервые потерпели поражение, их сильное сопротивление заставило напуганных русских вернуться домой и отказаться от наступления на Тарту (см.: [Cederberg: 66–69]).

Упоминание о сражении при Эраствере (Эрестфере) вошло в эстонские школьные учебники по истории лишь в конце 1930-х гг. В 1939 г. преподаватель Тартуского университета и учитель двух тартуских гимназий Йоханнес Адамсон выпустил очередное издание своего учебника для пятого класса «Eesti ajalugu ühenduses üldajalooga»⁸, в котором битва при Эраствере описывалась в параграфе «Vene väed tungivad meie maale» («Русские войска вторгаются на нашу землю»):

Eesti talupojad kaitsesid endid Vene röövsalkade vastu kuidas mõistsid. Nad asutasid sissisalku, tungisid öösiti vaenlaste kallale ja vabastasid süütud vangid. Maa kaitseks siia jäetud Rootsi nõrkadest väesalkadest polnud suurt abi. Nad purustati kahel korral, Erastveres ja Hummuli mõisa all [Adamson 1939a: 186].

Пер.: Эстонские крестьяне защищались от российских разбойничьих отрядов, как только могли. Они образовывали партизанские отряды, нападали по ночам на врагов и освобождали невинных пленных. От оставленных для защиты страны слабых шведских военных отрядов не было большой помощи. Они были разбиты дважды, при Эраствере и при поместье Хуммули.

В отличие от профессора Седерберга, Адамсон не интересуется вопросом об «истинном» исходе битвы при Эраствере. Автор учебника выдвигает на

⁷ Академическое Историческое общество (Akadeemiline Ajalooselts) начало издавать этот журнал в Тарту в 1922 г., третий раздел в нем был посвящен публикации документов. Во втором номере «Исторического журнала» за 1922 г. была опубликована статья Седерберга «Vene vangide jutustus Erastvere lahingust 30. detsembril 1701» («Рассказ русских пленных о сражении при Эраствере 30 декабря 1701 г.»).

⁸ Первое издание этого учебника Адамсона вышло в 1929 г., и тогда он заканчивался на теме «Vene-Liivi sõda ja orduvalitsuse lõpp» («Русско-Ливонская война и конец владычества ордена»). В 1938 г. в 4 классе начальной школы использовался учебник «Jutustusi kodumaa ajalooost»/«Рассказы об истории родины», в котором битва при Эраствере еще не упоминалась.

первый план героизм и патриотизм эстонского народа, подчеркнув слабость шведов и изобразив русские войска как разбойников и врагов эстонцев.

В изданном в 1939 г. учебнике школьного учителя, впоследствии профессора Тартуского университета Яана Конкса “Eesti ajalugu I” для первого прогимназического класса в повествовании о битве при Эраствере подвиги эстонских партизан не упоминались. Автор рассказывал о подготовке Петром I русских войск к наступлению, констатировал победу фельдмаршала Б. П. Шереметева над шведами. Изложение Конкса лишено оценочных эпитетов и суждений по отношению к двум «чужим» армиям. Вместе с тем, русские войска предстают как завоеватели — “Tunginud meie maale...” («Вторгшиеся на нашу землю...») [Konks: 133]. И все же импульс профессора Седеберга пересмотреть итоги сражения при Эраствере в пользу шведов не получил развития у авторов школьных учебников.

Одновременно авторы эстонских учебников развивали на материале Нарвского сражения 1700 г. и — отчасти — битвы при Эраствере концепцию национальной истории, основанную на акцентировании роли народных героев — эстонских крестьян. Описанию Нарвского сражения 1700 г. в учебниках предшествует упоминание о столкновении армии Карла XII с шеститысячным русским войском. Впервые в учебнике Рейманна, изданном в 1920 г., затем и в пособиях других авторов (Кампманна, Конкса, Адамсона) решающая роль в победе шведов над войском Шереметева приписывалась полуполюгендарному эстонскому крестьянину Тэхвану Раабэ, который провел шведские войска в русский тыл (ср.: [Reimann: 99; Kamppmann: 128; Adamson 1938: 84; Adamson 1939a: 184; Konks: 131]). В учебниках Адамсона был даже опубликован портрет Тэхвана Раабэ.

Для сравнения обратимся к учебникам по истории, изданным в период Эстонской Республики для русских школ. В 1926 г. под редакцией А. Пэрка был опубликован учебник А. Николаева «История эстонского народа в рассказах и очерках для школ с русским языком преподавания». Глава, посвященная противостоянию Карла XII и Петра I, называется «Великая Северная война и ее виновники». Особенностью нарратива является стремление русского автора смягчить присутствовавший в эстонских учебниках негативный образ русской армии, найти аргументы в оправдание ее действий: «Опустошение вражеской страны было в обычае того времени, так как ослабляло силы противника. Вот почему до Полтавской победы (27 июня 1709 г.) царь Петр довольствовался только разорением ливонского края» [Николаев: 65]. Николаев не характеризует русскую армию как врагов, не упоминает о нападениях эстонских крестьян на отдельные мародерствующие русские отряды. Автор не упоминает Тэхвана Раабэ

и рассказывает о войне, не акцентируя оппозицию «мы» – «они», избегает конфликта «эстонцы – русские».

В 1934 г. русский учитель А. И. Макаровский написал «Учебник истории для IV класса начальных школ Эстии с русским языком обучения». Повествуя о Северной войне, в параграфе «Поражение русских под Нарвой» автор вслед за эстонскими авторами отметил поступок Тэхвана Раабэ, но не разместил его портрета и не упомянул его имени:

На берегу речки Rühajõgi дорогу Карлу преградил передовой отряд русских войск. Победить окопавшихся русских было трудно. Шведам помог один эст: он провел шведский отряд тайными болотными тропинками в тыл русских, и шведы разбили русских. Путь к Нарве был свободен <...> Карл приказал начать приступ и сам пошел во главе солдат. Шведам помогла погода: поднялась снежная метель, причем ветер дул на русских, и снег слепил им глаза. Плохо обученные, недавно взятые на войну, русские солдаты растерялись, смешались и побежали. <...> Повсюду в Европе удивлялись блестящим победам молодого шведского короля [Макаровский: 209].

Если Конкс остановился на отъезде Петра I из армии после поражения при Пюхайыги/Rühajõgi [Konks: 131], то Макаровский опустил этот факт. Стечение случайных неблагоприятных обстоятельств и поступок эстонского крестьянина признаются главными причинами, предопределившими Нарвское поражение, а слабая воинская подготовка русских войск занимает последнее по значимости место среди факторов поражения. При описании начала сражения автор опускает приводившиеся в эстонских учебниках слова шведского короля “Jumal on meiega!” («С нами Бог!») [Adamson 1939a: 185] или “Jumala abiga!” («С Божьей помощью!») [Konks: 131]; и в результате поднявшийся во время сражения ветер, благоприятный для шведов, утрачивает сюжетную функцию символа божественной помощи⁹. Говоря о репутации монархов после Нарвского сражения, Макаровский, в отличие от Адамсона, не упоминает ни о карикатурах на Петра I, ни о том, что “rootslaste võidus nähti Euroopas mitmel pool Jumala enda kätt” («... во многих местах в Европе в победе шведов видели руку Божию») [Adamson 1939a: 186]. В отличие от интерпретации авторов эстонских учебников, Макаровский сохраняет репутацию Петра I и не мифологизирует по-

⁹ Ср. с описанием Конкса: “Lahinguüdega “Jumala abiga!” algas rünnak. Seni oli ilm olnud vaikne ja koguni selge. Siis aga algas tugev lume-, vihma- ja rahesadu, mis oli rootslastele selja tagant, venelastele aga otse vastu” («Боевым кличем “С Божьей помощью!” началась атака. До этого погода была спокойная и даже ясная. Теперь же начался сильный снег, дождь, град, который бил шведам в спину, а русским — в лицо») [Konks: 131].

беду Карла XII, т. е. она не описывается как результат покровительства или отклик божественной силы на молитву шведского короля.

В июне 1940 г. Эстония была аннексирована СССР, но полноценный переход к советской школьной системе в ЭССР начался после окончания Второй мировой войны. Советские методические пособия и учебники, которые использовались в советской русской школе, были быстро переведены и изданы на эстонском языке. Первые сведения об истории Северной войны эстонские ученики получали в 4–5 классах по учебнику «История СССР» под редакцией А. В. Шестакова (в русской школе учебник предназначался для 3–4 классов; первое издание на русском языке вышло в 1937 г.). Это пособие было переведено на эстонский язык и опубликовано в 1946 г. Ученики основной русской и эстонской школ ЭССР также получали сведения о петровском времени в контексте мировой истории по учебнику А. И. Ефимова «Новое время. Первая часть. Учебник для VIII классов». Эстонский перевод этого учебника появился в 1951 г. Углубленно изучали петровскую эпоху в 9 классе по учебнику «История СССР» под редакцией академика А. М. Панкратовой¹⁰. После XX съезда КПСС историю России по-прежнему изучали по учебникам Панкратовой, но из них были удалены цитаты из Сталина.

Рассмотрим теперь вопрос о месте петровского сюжета в советской образовательной программе для эстонских школ. Согласно двум школьным программам по истории СССР для средней эстонской школы, теме образования Российской империи при Петре I уделялось от 10 (в программе на 1953/1954 гг.) до 12 (в программе на 1956/1957 гг.) часов. В результате сравнения количества часов можно отметить, что в программе 1953/54 гг. петровская тема входила во вторую по идеологической значимости группу, к которой принадлежали такие темы, как Гражданская война и Великая Отечественная война (ср.: [Õрреprogramm 1949; Õрреprogramm 1954; Õрреprogramm 1956]).

Главными особенностями советской трактовки были, во-первых, акцентирование экономической, политической и военно-технической отсталости России и «опасности отставания для независимости государства», во-вторых, подробное изучение народных восстаний и их подавления, в-третьих, изучение высказываний Маркса, Ленина, Сталина и их оценки деятельности Петра I¹¹ (ср.: [Õрреprogramm 1949: 17; Программа: 11]).

¹⁰ Первое издание этого учебника на эстонском языке вышло еще в 1941 г.

¹¹ См. пособие В. Г. Карцова «Очерки методики обучения истории СССР в VIII–X классах» (1952), которое было издано на эстонском языке в 1953 г. Карцов, ссылаясь на замеча-

Одной из идеологически существенных задач при изображении петровской эпохи было обоснование новой и жесткой политики царя в связи с общей отсталостью России¹². В школьных учебниках контекст, в котором возникает тема «отсталости», был различный. В учебнике для начальной школы под редакцией Шестакова в качестве причины петровской политики называется культурное отставание России. Неслучайно имя Петра I впервые вводится в параграфе «Культура в России в XVII веке», в разделе «Нравы и обычаи» [Шестаков: 58–59]. Для учеников 9 класса основной школы акцент был смещен уже в сторону внешнеполитических причин. В учебнике под редакцией Панкратовой изображается картина потенциальной внешней опасности со стороны «чужих» европейцев:

...стала сказываться отсталость России <...> крайне неблагоприятными внешне-политическими условиями <...> нападали чужеземцы <...> интервенция <...> Оборона страны не была достаточно обеспечена. <...>. Отсталость <...> представляла большую опасность. <...> Отсталостью России пользовались соседние европейские державы, стремившиеся захватить русские земли [Панкратова: 3–5].

При рассказе об отсталости России, таким образом, конструировалось представление о неизбежности войны с врагами и скрыто вводилась тема

ние Сталина, предупреждал о недопустимости проводить на уроке сравнение между Петром I и Лениным. Согласно учебному плану, в начальной школе петровской теме отводилось два урока: первый посвящался началу Северной войны и основанию Петербурга, второй — Полтавской битве. Ученик должен был выучить наизусть стихотворение «Полтавский бой» (отрывок из поэмы Пушкина «Полтава») и выполнить ряд заданий по тексту. По рекомендации Карцева, «Полтава» должна служить также дополнительным материалом к учебнику по истории и в основной школе. Перед учеником 9 класса ставилась задача сравнить образы Петра I и Карла XII в поэме. Эта работа была направлена на закрепление представления о Петре Великом как герое и о славе русского оружия (см.: [Карцов: 32, 48, 74, 87]). Отметим, что в хрестоматию 1946 г. входило «Вступление» из поэмы «Медный всадник» (в переводе Бетти Альвер), а из хрестоматии 1956 г. этот текст исчез. Вместо него было введено другое пушкинское стихотворение — «Клеветникам России»/“*Venema laimajale*” (ср.: [Lugemik 1946; Lugemik 1956]).

¹² Знакомство, преимущественно, русскоязычного населения Эстонии с советской исторической концепцией и героическим образом Петра I началось уже в 1930-е гг. благодаря популярному роману А. Н. Толстого «Петр Первый» (в 1934 г. отдельные главы произведения читались в литературном кружке общества «Святогор», публиковались в газете «Русское слово» и т. д. — см., напр.: [Хроника: 155]). В 1938 г. фильм «Петр I» режиссера В. Петрова шел в эстонских кинотеатрах, хотя цензура сначала не хотела допустить его к прокату [Там же: 431, 432]. Отметим, что эстонцы также имели возможность читать роман Толстого: в 1948 г. вышел перевод первой книги, а в 1949 г. — второй и третьей книг романа. Переводчиком романа на эстонский язык был писатель Ф. Туглас (о поэтике перевода этого произведения на эстонский язык см. статью Л. Пильд в настоящем сборнике).

«агрессии как защиты». Наряду с традиционной интерпретацией Северной войны как механизма преобразования средневековой и строительства новой России, в советском учебнике необходимость войны и имперского вектора государственного развития оправдывались также угрозой со стороны внешних врагов. В учебнике под редакцией Панкратовой в качестве предпосылок поражения под Нарвой выступали неудовлетворительное обеспечение армии и отсутствие во время сражения Петра I:

Осада Нарвы сразу показала недостатки в организации и снабжении русских. <...> повозки с боевыми припасами отставали от армии. <...> Солдаты голодали и страдали в окопах от холода и дождей. <...> Петр уехал из армии <...> На следующий день после его отъезда шведские войска появились перед русским лагерем. <...> Иностранные офицеры, командовавшие русскими частями, изменили и перешли к шведам [Там же: 12].

Панкратова подчеркивает тему предательства иностранных офицеров, служивших в русской армии. В пособиях, изданных в Эстонии в 1930-е гг., этот факт не упоминался (ср.: [Kampmann: 129; Макаровский: 209]). Разумеется, в советском школьном рассказе о нарвских событиях 1700 г. отсутствовал сюжет об эстонском крестьянине Тэхване Раабэ и о поражении отряда Шереметева при Пюхайги.

Конструирование героической версии истории не исключает рассказа о поражении, если оно оказывается началом будущей победной истории. В этом случае включение таких «неславных» фактов не демифологизирует государственный нарратив, а, наоборот, развивает национальный миф на новом уровне, поэтому в русских учебниках и рассказывается подробно о Нарвской битве 1700 г.¹³

Авторы эстонских учебников периода независимости были нацелены на создание своего национального исторического нарратива и искали в прошлом своих национальных героев. Символы бывшей метрополии (Петр I, русская армия) изображаются однозначно отрицательно, иногда применительно к ним используется определение “vaenlased” — враги (см., например: [Reimann: 99]). Авторы акцентируют разрыв с «чужим» государством, описывают эстонцев как жертв военного насилия, стремятся разглядеть в разных фактах проявление национальной идеи об освободительной

¹³ Полагаем, что о предшествующем поражении Шереметева при Пюхайги не упоминается из-за недостатка места. Поскольку объем учебника по определению ограничен, внимание уделяется более масштабным событиям.

войне¹⁴. Поэтому закономерным является появление сведений об организованном нападении эстонских крестьянских отрядов на русских солдат, разорвавших эстонские деревни. Общая нарративная стратегия нацелена на то, чтобы представить эстонский народ как активного участника крупного исторического события XVIII века — войны между Швецией и Россией. В этом контексте авторы не случайно обращают особое внимание на локальные сражения: битва при Пюхайыги оказывается выгодным материалом, чтобы вывести на первый план эстонского крестьянина Тэхвана Раабэ и создать миф о национальном герое. Эти «локальные» факты российская и советская школьные истории игнорировали.

Литература

Андерсон: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Ассман: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Гудков: *Гудков А.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004.

Иловайский 1916: *Иловайский Д. И.* Руководство к русской истории. Средний курс. М., 1916. Изд. 44-е.

Иловайский 1998: *Иловайский Д. И.* Русская история для всех. М., 1998.

Историки: *Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова.* М., 2002.

Историческая политика: *Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липмана.* М., 2012.

Карцов: *Карцов В. Г.* Очерки методики обучения истории СССР в VIII–X классах. М., 1952.

Макаровский: *Макаровский А.* Учебник истории для IV класса начальных школ Эстии с русским языком обучения. Таллинн, 1934.

Николаев: *Николаев А.* История эстонского народа в рассказах и очерках для школ с русским языком обучения / Под ред. А. Пэрка. Таллинн, 1926.

Панкратова: *История СССР. Учебник для 9 класса средней школы / Под ред. проф. А. М. Панкратовой.* М., 1953. Изд. 12-е.

¹⁴ Термин «Освободительная война» *de jure* относится к событиям 1918–1920 гг., которые закончились подписанием Тартуского мирного договора и ознаменовались утверждением первой Эстонской Республики. В эстонских учебниках по истории, изданных до аннексии Эстонии в июне 1940 г., появляется понятие «Древняя освободительная война», под которой подразумеваются события 1208–1227 гг. В учебнике 1929 г. Й. Адамсон прямо назвал эту эпоху «Eestlaste vabadussõda» («Освободительная война эстонцев») [Adamson 1929: 129].

Программа: Попечитель Рижского учебного округа. Временные программы для испытаний на звание учителя (и учительницы) высшего начального училища. <Рига>, 1913.

Рождественский 1874: *Рождественский С.* Краткая отечественная история в рассказах для народных и вообще начальных училищ, с портретами замечательных лиц. СПб., 1874.

Рождественский 1876: *Рождественский С.* Отечественная история в связи с всеобщей (среднею и новою): Курс средних учебных заведений: С прил. хронолог. табл. СПб., 1876. Изд. 4-е.

Ферро: *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2010.

Хроника: Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского зарубежья: В 2 т. / Сост. С. Исаков, Т. Шор, Т. Гузаиров. Таллинн, 2016–2017. Т. II: 1932–1940.

Шестаков: История СССР. Краткий курс. Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А. В. Шестакова. М., 1941.

Adamson 1929: *Adamson, J.* Eesti ajalugu ühenduses üldajalooga. Algkooli V õppeaasta. Tartu, 1929.

Adamson 1936: *Adamson, J.* Eesti ajalugu III. Gümnaasiumi IV klassi kursus (10. õppeaasta). K./Ü. "Loodus". 1936.

Adamson 1938: *Adamson, J.* Jutustusi kodumaa ajaloost. Algkooli IV õppeaasta. Tallinn, 1938. IX trükk.

Adamson 1939a: *Adamson, J.* Eesti ajalugu ühenduses üldajalooga. Algkooli V õppeaasta. Tartu; Tallinn, 1939.

Adamson 1939b: *Adamson, J.* Eesti ajalugu ühenduses üldajalooga. Algkooli VI õppeaastale. X trükk. Tartu; Tallinn, 1939.

Asson: *Asson, E.* Üldine ajalugu ühes Eesti ajalooga. Uus aeg. Keskkooli III kl. kursus, VII õppeaasta. Tartu, 1936.

Cederberg: *Cederberg, A. R.* Vene vangide jutustus Erastvere lahingust 30. detsembril 1701 // Ajalooline Ajakiri. 1922. Nr 2.

Kampmann: *Kampmann, P.* Eesti ajalugu. Piltide kujul algkoolidele kokku seadnud. Tallinn, 1927.

Konks: *Konks, J.* Eesti ajalugu I. Ajaloo õpperaamat progümnaasiumi I klassile. Tartu, 1939. Kolmas trükk.

Kruus: *Kruus, H.* Eesti ajaloo lugemik III. Valitud lugemispalad eesti ajaloo alalt XVIII ja XIX sajandil. Tartu, 1929.

Lugemik 1946: *Sööt, B.; Väinaste, J.* Kirjanduslooline lugemik keskkooli VIII klassile. 1. osa: Vene kirjandus. Tallinn: Pedagoogiline Kirjandus, 1946.

Lugemik 1956: *Brodski, N.; Kubikov, I.* Vene kirjandus. Lugemik VIII klassile. Tallinn, 1956.

Neumann: *Neumann, I. B.* Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minnesota, 1998.

Reimann: *Reimann, V.* Eesti ajalugu. Tallinn, 1920.

Õppeprogramm 1949: Õppeprogrammid Eesti NSV õpetajate seminaridele. 1. NSV Liidu Ajalugu. 2. Ajaloo meetodika. Tallinn, 1949.

Õppeprogramm 1954: Seitsmeaastaste koolide ja keskkoolide programmid 1953/54 õppeaastaks. NSV Liidu ajalugu ja Uusaeg. Tallinn, 1954.

Õppeprogramm 1956: Keskkooli programmid 1956/57 õppeaastaks. NSV Liidu ajalugu. Uusaeg. Tallinn, 1956.